

Самое скверное, что было в этом терроре, так это то, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, отставших от Врангеля с искренним и твёрдым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д.

Но что особенно обращает на себя внимание в этих расстрелах, так это то, что расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооружёнными отрядами. Указывают, что при такой «системе» расстрелов некоторым из осуждённых удавалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы...

Такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизладимо тяжёлую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба...

На маленькой территории Крыма существует три органа по борьбе с контрреволюцией: особый отдел 4-й армии, Крым. ЧК и особый отдел морского ведомства (вместо бывшей морской царской охраны), действующий на протяжении 50-ти вёрст береговой полосы. Помимо них, на местах существуют ещё уездные политотделы, которые ведут параллельную работу в этой же области. Никакого разграничения их компетенций на деле не существует. Каждый действует по своему усмотрению...

«Заколотим наглухо гроб уже издыхающей, корчащейся в судорогах буржуазии!» (Из воззвания Джанкойской организации РКП(б), 1920.)

17 ноября 1920 года Крымревком опубликовал приказ №4 об обязательной регистрации в трёхдневный срок

«ЭТО НЕМЫСЛИМО,
ПОЧЕМУ РАЗГОВОРЫ
РАЗГОВАРИВАЮТ
С 2000 ГОДА,
А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ.
МНЕ НА СТАРОСТИ ЛЕТ
ПРОТИВНО ТУТ ЖИТЬ!»

иностранцев, лиц, прибывших в Крым в периоды отсутствия там советской власти, офицеров, чиновников и солдат армии Врангеля. Были забыты все обещания амнистии. По планам советских властей Крыма, уничтожению подлежали все лица, попадавшие в указанные категории. Причём советская власть не брала в расчёт, что многие не пожелали эвакуироваться совершенно осознанно, так как либо были мобилизованными принудительно (кадровые военные и идейные враги советской власти в основном эвакуировались) и считали, что им ничего поэтому не угрожает, либо поверили обещаниям амнистии и полагали возможным искупить своё нахождение в белом лагере трудом на

пользу своей родине. По сообщению С. П. Мельгунова, когда ВЦИК расследовал обстоятельства террора в Крыму, коменданты крымских городов в качестве оправдания предъявляли телеграмму Бела Куна и Землячки, в которой содержался приказ немедленно расстрелять зарегистрированных офицеров и военных чиновников.

«Беспоощадным мечом красного террора мы пройдемся по всему Крыму и очистим его от всех палачей, эксплуататоров и мучителей рабочего класса. Но мы будем умнее и не повторим ошибок прошлого! Мы были слишком великодушны после октябрьского переворота. Мы, наученные горьким опытом, сейчас не станем великодушничать. В освобождённом Крыму ещё слишком много осталось белогвардейцев... Мы отнимем у них возможность мешать нам строить новую жизнь. Красный террор достигнет цели, потому что он направлен против класса, который обречён на смерть самой судьбой, он ускоряет его гибель, он приближает час его смерти! Мы переходим в наступление!»